

А.А. Романов

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

**«ОКНО ДИСКУРСА» КАК РЕГУЛЯТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ВНЕДРЕНИЯ «ВИРУСНОЙ»
ИНФОРМАЦИИ: ДВА ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ**

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная реальность, «окно дискурса», «вирусная» информация, «бенефициарная коммуникация», «психологическое» воздействие, регулятивный механизм, модальная диспозиция говорящего субъекта, коммуникативный конструкт, «туннельный знак-конструкт», структурализм, постструктурализм.

Keywords: discourse, discourse reality, "window of discourse", "viral" information, "beneficial communication", "psychological" impact, regulative mechanism, modal disposition of speaking person, communicative construct, "tunnel sign-construct", structuralism, poststructuralism.

*Подобно тому, как лодку уносит
сильным ветром, так и одно единственное
чувство, завладевающее человеком,
способно унести прочь его разум.
Бхагават-гита как она есть*

*Искусство убеждать людей много
выше всех других искусств, так как
оно позволяет делать всех своими рабами
по доброй воле, а не по принуждению.
Горгий из Леонтин*

*Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою следят.
А.Блок*

В работах (Романов, 2002; 2004; 2015; 2016; 2016а; 2016б; 2016в; Романов, Малышева, 2014; 2015; 2016; Романов, Малышева, Новоселова, 2014; Романов, Морозова, 2015; Романов, Новоселова, 2014; Романов, Романова, 2015; 2015а; 2016; 2016а; 2016б; Романов, Романова, Морозова, 2015; 2015а; 2015б; 2016в; Романов, Романова, Новоселова, 2015; 2016; Romanov, Malysheva, 2016; Romanov, Novoselova, 2015; Romanov, Romanova, Novoselova, 2015) отмечалось специфическое коммуникативное свойство создаваемой для определенных целей «срежиссированной» дискурсивной реальности, в рамках которой появляется возможность создавать условия реализации незаметного внедрения «меметико-регулятивных

информационных посланий» (Романов, 2016а; 2016б; 2016в; Романов, Романова, 2016; 2016а; Романов, Романова, Новоселова, 2015; 2016) в сознание (как массовое, так и индивидуальное), то есть создавать условия «психического заражения» масс, по В.М. Бехтереву (1994) путем массивного распространения коммуникативных вербальных посланий.

Нельзя не отметить, что идеи быстрого и эффективного распространения «срежиссированной» (т.е. постановочной, заранее сконструированной манипулятором) дискурсивной реальности, способной создавать возможности и условия реализации незаметного внедрения в массовое сознание «вирусной», «прошивающей насквозь» и разрушающей привычные жизненные уклады и устои, культурные шаблоны и языковые паттерны информационных посланий, высказывались представителями различных научных школ и направлений в философии, психологии, социологии, лингвистике, медиалингвистике, теории коммуникации, чтобы ответить на вопросы “как устроен” и “на какой основе функционирует механизм внедрения” (использования) информационных посланий с целью «результативного переформатирования контрарно противопоставленных (противопоставляемых) оценок общественного мнения с негативных и, на первый взгляд, абсолютно неприемлемых на позитивные» (Романов, 2002: 58-92; Романова, 2007; 2009; ср. также: Бехтерев, 1994; Бодрийар, 2007; Менегетти, 2002; Поршневу, 1974; Тоффлер, 2004; Fiske, 1991; 1993).

Несмотря на то, что был предложен ряд моделей, объясняющих эффективность и результативность коммуникативного воздействия, тем не менее, следует признать, что в свете все возрастающего объема информационного / коммуникативного пространства (инфосферы) и его роли в глобальном геополитическом контексте современных «войн идеологий» (Сол, 2007: 28), информационных «войн», схваток, противостояний и «кибератак» (Кокошин, 2016; Морозова, Романова, Мосина, 2014; Романов, 1997; 1999а; 2002; 2004а; 2015; 2016; Романов, Романова, Новоселова, 2016; Тоффлер, 2004; Э. Тоффлер, Х. Тоффлер, 2005) представляется актуальным и целесообразным вновь сегодня обратить внимание на теоретические посылы структуралистов, провозгласивших в 50-х годах XX века идею «о тождестве языка и сознания», что дало им основание рассматривать окружающий мир в двух ипостасях как «мир реальный» и «мир символический».

В обозначенной дихотомии «мир реальный», занимая атакующую позицию, выступает «агрессором» по отношению к «миру символическому», а через него – и по отношению к человеку. Развитие этих идей привело, в частности, к выводу о том, что человеком в мире управляют неосознанные структуры, зашифрованные в языке, а сознание достоверно фиксируется не устной речью, а письменной. Следствием этого явилось утверждение о том, что сознание человека может отождествляться с совокупностью текстов (посланий), включённых в контекст вербальной письменной культуры человечества (или культуры письма).

Утверждение о том, что «ничто не существует вне текста», предложенное Ж. Деррида, дало возможность рассматривать человека как

индивида, помещенного / размещенного внутри текста. Работа с текстами культуры, начатая в недрах французского структурализма, была продолжена постструктуралистами, которые предложили нивелировать противоречия между реальной жизнью и культурой. Было предложено рассматривать («брать») текст «в момент его становления», чтобы «заглянуть» под маску культуры, в ту «преисподнюю», где нет еще готовых форм, а исходные «наивности» еще не претерпели метаморфоз (Деррида, 1999: 122-126, 128-130).

В этом плане широкое распространение получила идея Жака Лакана о «текстуализации бессознательного», который, переосмыслив ряд теоретических положений классического фрейдизма, связал её в рамках фрейдистской традиции с теорией сновидения. Исходя из того, что бессознательное имеет языковую структуру (т.е. бессознательное структурируется как текст, как знак), Ж. Лакан предложил считать, что «работа сновидения следует законам означающего», а сам «сон есть текст». В рамках своих научных воззрений он предложил рассматривать в качестве основных механизмов сна фрейдовские понятия «конденсация» и «замещение», но с некоторым расширением их понимания.

Так, если Фрейд понимал под конденсацией «совмещение в одном образе нескольких объектов бессознательного», то Жак Лакан исходил из того, что при конденсации происходит «наложение одного означающего на другое посредством метафоры». Аналогично Жак Лакан переинтерпретировал и фрейдовское понятие «замещение». По Фрейду, «замещение есть сдвиг психической энергии с одного мыслительного явления на другое», а по Лакану, «замещение – это средство обмана цензора бессознательным, имеющее природу метонимии». Такая трактовка фрейдовских понятий «конденсация» и «замещение» привела Ж. Лакана к утверждению о том, что в его системе образы, всплывающие из бессознательного, не являются репрезентативными, т.е. такие образы нерепрезентативны. Иначе говоря, у всплывающих из бессознательного образов имеется такое означающее, которому не соответствует никакое означаемое. И такое означающее Ж. Лакан назвал «скользящим» (Лакан, 1997: 9-10, 13-15; см. также: Лакан, 1995).

Не обошёл Лакан вниманием и фрейдовское понятие «трансфера» или «переноса», являющееся важным механизмом бессознательного. У Зигмунда Фрейда процесс «трансфера» есть структуры бессознательного, которые проявляются (обнаруживаются) в процессе беседы между психоаналитиком и пациентом, когда последний переносит на врача какие-то иные свои влечения и тем самым заставляет его играть ту или иную роль. Для Ж. Лакана отношения между психоаналитиком и пациентом очевидны: в процесс «переноса» вовлечены оба участника беседы. Следовательно, по его мнению, структуры бессознательного проявляются в «переносе» и «контрпереносе» на ментальные репрезентации, когда психоаналитик вступает в «игру с пациентом», повторяя структуры бессознательного для их интерпретации. И тогда всё, что произносит пациент, есть текст, а психоаналитик в этом

процессе повторяет дискурс своего пациента, т.е. сказанное, высказанное им. Получается, что *лакановский трансфер* является *структурой повтора*, которая *связывает*, как минимум, двоих участников этого процесса и что эта структура имеет специфическую знаковую природу, в том числе и со скользящими означающими, по Ж. Лакану (1995; 1997).

Знак, как известно, является тем, что замещает отсутствующий предмет. Это означает, что знаковая природа структур бессознательного символизирует «убийство вещи», то есть раскрывает механизм появления «наличия, сотворенного из отсутствия». Получается, что «знаковая культура» берет своё начало в потребности обозначить отсутствие предмета. У Жака Лакана этот процесс увязывается с психологическим моментом «становления личности». Он полагает, что когда ребёнок *обнаруживает необходимость восполнить отсутствие предмета*, то он начинает говорить, т.е. ребёнок становится «говорящим субъектом». Из этого можно полагать, что сегодняшняя западно-европейская цивилизация есть цивилизация «говорящего субъекта», которая в контексте «антропоцентрического сдвига» и трансгуманизма опирается на доминанту вербоцентризма, схожую с картезианским посылом: «Я говорю, следовательно, Я существую». Одним словом, на первый план, как подметил Дж. Сол (2007: 31), «выступила поверхностная сторона учения Декарта».

Высказанные французскими структуралистами в 50-70-х годах прошлого столетия идеи о «тождестве языка и сознания» и «текстуализации бессознательного», где «всплывающие из бессознательного образы» не имеют реальной «репрезентативности», а только лишь связаны с текстовой репрезентацией на базе лакановского переноса «скользящими означаемыми», нашли широкое применение в разработках, посвященных проблемам активного распространения и широкого внедрения в массовое сознание новых трансгуманных ценностей и поведенческих норм средствами и технологиями медийной дискурсии как упорядоченного множества коммуникативно-интерактивных практик. «Информационные бюллетени» – имеются в виду самые разнообразные медийно-знаковые производители и распространители информации – и схемы организации производства «в наши дни стали протоколами власти» (Сол, 2007: 31).

В этом свете медийная дискурсия как один из элементов «протоколов власти» проявила свою способность выполнять – и, надо признать, сегодня успешно выполняет, если проследить динамику сдвига в «цветовом спектре» революционных преобразований от Средней Азии, Ближнего Востока до Европы и Латинской Америки – своеобразную роль «средств формирования человеческого сознания в социальных процессах», по Л.С. Выготскому (1982; 1982a) или «медиаторов», в представлении Дж. Верча (1996), Н. Лумана (2005), Г.М. Маклюэна (2003), А. Менегетти (2002), способных при помощи «различных психологических орудий и их сложных систем», включая «язык, мнотехнические приспособления, алгебраическую символику, произведения искусства, письмо, схемы, диаграммы, карты, чертежи, всевозможные условные знаки и т.д.» (Выготский, 1982: 103),

дискурсивно создавать инфосферу как «новую территорию, открытую для человеческого взаимодействия, расширения экономики и, в особенности, для социальных и политических махинаций» (Рашкофф, 2003: 9; см. также: Романов, Романова, 2010; 2015; 2016; 2016а; Романов, Романова, Морозова, 2015в; Романов, Романова, Новоселова, 2016).

Превращение расширенных «медиа-пространств» (Мисонжников, 2005) в глобальную инфосферу как информационную территорию позволяет не только контролировать протекающие в ней самой процессы, но и тем самым дискурсивно оказывать самое активное влияние на восприятие массовым адресатом создаваемой ею дискурсивной реальности со всеми особенностями. Становится понятным, что дискурс как «психологическое орудие» в «системе средств формирования человеческого сознания», как «орудийный» элемент инфосферы оказывается «включенным в процесс поведения» массового адресата как потребителя сконструированной и целенаправленной информации и способен «видоизменять всё протекание и всю структуру психических функций» такого потребителя, «определяя своими свойствами строение нового ... искусственного ... инструментального акта». При этом важно учесть, что «искусственные (инструментальные) акты ... суть те же естественные», которые «могут быть без остатка, до самого конца разложены и сведены к этим последним» (Выготский, 1982: 103-104). Тем не менее, нужно иметь в виду, что в инструментальных (созданных) актах «искусственной является комбинация (конструкции)» и «направленность, замещение и использование этих естественных процессов», и что их функциональная специфика базируется на использовании других – не прямых – ассоциативных («условнорефлекторных») связей, которые уже обусловлены применением «психологического орудия», хотя и «ведут к тому же результату, но другим путем» (см.: Выготский, 1982: 104).

Дискурсивная реальность, созданная актами медийной дискурсии, есть продукт инфосферы (медиа-пространства), где дискурс выполняет функционально-инструментальную, орудийную роль некоторого сконструированного формата, своего рода «окна», сквозь которое проходит информация к потребителю, а вместе с ней и предлагаемая авторская («срежиссированная») оценка вербально-коммуникативного события, созданного (или создаваемого) дискурсом как стимулом (раздражителем) с соответствующей реакцией, который «становится психологическим орудием в силу использования его как средства воздействия на психику и поведение» (Выготский, 1982: 106 -107).

Вербально-коммуникативные события – это акты медийной дискурсии, которые, «становясь психологическим орудием как средством воздействия на психику и поведение», направлены на социальные перемены не только в масштабах глобального мирового пространства, так и в отдельных его частях. Нередко такие вербально-коммуникативные события, несущие социальные перемены, причисляют к «медиа-вирусам» (Рашкофф, 2003: 10), способным при помощи медийных дискурсивных актов распространять

«вирусную» или меметическую информацию в виде «орудийных» дискурсивных «стимулов» - посланий и тем самым воздействовать на психику адресата, «повышая и безмерно расширяя возможности его поведения» (Выготский, 1982: 107; ср. также идею о «внешнем расширении человека» Г.М. Маклюэна, 2003). Нельзя не привести в этой связи подмеченный Дж. Солом факт, что «У. Дисней подменил Америку американской мечтой, где гражданин является зрителем, который верит в то, что утверждается с киноэкрана, а руководители – характерные актеры» (Сол, 2007: 30).

В условиях контекста такой результативности «бомбардировок потребителя информации смыслами», по Ж. Бодрийару, становится понятной стремление уяснить причины стремительного и успешного распространения таких медийно-дискурсивных актов в инфосфере и выявить особенности механизма их «имплантирования» в массовое сознание потребителей информационных материалов или коммуникативных практик различных, в том числе и сетевых, масс-медиа. Не менее важной, в частности, представляется попытка описать специфику условий успешности (плодотворности) распространения «живущих идей», «живущих оценок», «идей, прошивающих насквозь сознание» (Романов, 2002: 149, 169-175) потребителей сетевой коммуникации и установить их роль в формировании технологии поступательного механизма поэтапного раскручивая («имплантирования») информации вирусно-мемети-ческими манипулятивными смыслами, способными самостоятельно внедряться и реплицировать себя в сознание массового потребителя (подробнее см.: Романов, 2015; Романов, Малышева, 2015; Романов, Малышева, Новоселова, 2014; Романов, Новоселова, 2012; 2013; Romanov, Novoselova, 2014; Romanov, Romanova, Novoselova, 2015).

Наиболее удобным инструментом для решения указанных задач может послужить условно оговоренная выше модель «дискурсивного окна» или «окна дискурса как когнитивно-коммуникативного конструкта». С учетом ранее упомянутых идей Ж. Лакана, естественно предположить, что основу такой модели могут составлять *а)* акты медийной дискурсии в пространстве дискурсивной реальности, создаваемой самими этими актами в инфосфере, *б)* конкретный дискурс как комплексный знак-каузатер со скользящими означающими, в духе идей Ж. Лакана, т.е. дискурс, обусловленный наличием меметических (вирусных) дискурсивных практик, свободных от жёстких референциальных привязок к предметному, событийному или фактуальному миру, и *в)* дискурс как реально предложенная для внедрения и имплантирования (раскрутки) совокупность означающих форм, окунаясь в которую, адресат как говорящий субъект *восполняет* (интерпретирует, оценивает, объясняет) *на свой лад* отсутствие предметной соотнесённости и *верит* в своё объяснение.

Другими словами, во взаимодействии с таким дискурсом (*в*) адресат творит свою субъективную предметность либо из наличия предложенных форм самих дискурсивных практик (т.е. из наличия их планов выражений),

либо из наличия собственной интерпретации, оценки, установки, не подкрепляя их возможностью верифицирования, но полагаясь на веру в то, что высказано (или выражено) в предлагаемом формате (окне) дискурса, то и фактуально. Иначе говоря, адресат, по Дж. Солу, «верит в то, что утверждается с киноэкрана» и руководствуется этим, веря в «поверхностную сторону учения Декарта» (Сол, 2007: 31), точнее, в его перефразированный вариант: «Если о чем-то говорят, сообщают, информируют, то это и существует на самом деле для меня». Становится очевидным, что именно в рамках (в формате) конкретно созданной говорящим субъектом дискурсивной реальности предлагаются (создаются) возможность и условия реализации незаметного внедрения информации в сознание потребителя.

Нельзя, однако, не отметить, что идея использования модели медийного «дискурсивного окна» в конструировании механизма самораспространяющейся веры в информацию с целью использования «срежиссированного» дискурса как «психологического орудия» в «системе средств формирования человеческого сознания» и одновременного использования в качестве «орудийного» элемента инфосферы, предназначенного для создания «*индивидуального туннеля*» дискурсивной (конверсационной) реальности, в которую в ходе интенсивной «бомбардировки» смысловыми посланиями погружается человек и в которых (в туннеле и дискурсивной реальности) он будет находиться и жить с верой в их существование, не является абсолютно новой и радикальной идеей (см.: Романов, 1992; 1995; 1997; 1998; 1999; 1999*a*; 2000; 2000*a*; 2001; 2002: 58-92; 2004; Романов, Романова, 2010: 25-27; 2013: 248-249). Неоднократно отмечалось, что в процессе нахождения адресата в индивидуальном туннельном пространстве дискурсивной реальности осуществляется выработка нового, *перформатированного* (перепрограммированного) *поведения* массового адресата как потребителя сконструированной и целенаправленной информации (Романов, 1995; 2000; 2002; Романова, 2007; 2009*a*).

Кроме того, в ряде работ тверских исследователей научного направления динамической модели регулятивного общения также отмечалось, что «индивидуальный туннель дискурсивной реальности» не только для одного человека, но, как показывают события «цветных революций», и для социума в целом «представляет собой некий конкретный **знаковый** (коммуникативный) **конструкт**, соответствующий *ментальному пространству индивида, мерность* которого определяет *персональный уровень целостности в его восприятии мира*», создаваемый в инфосфере реальностью конкретного дискурса или дискурсов (Романов, 2002; 2004; Романов, Немец, 2006; Романов, Романова, 2005; 2006; 2007; 2010: 25-27; 2013: 248-249; также см.: Романов, Новоселова, 2012; Romanov, Novoselova, 2014; 2015).

Такой туннель «в виде определенного знакового (коммуникативного, вербального) конструкта может являться для участников коммуникации определенной реальностью», в которой они себя размещают и оперируют её

смыслами и образами (Романов, Романова, 2013: 248-249; см. также: Романов, Новоселова, 2013; Романов, Малышева, Зайналабдиев, 2013; Романова, 2005; 2007; 2009; 2009a). При этом также подчеркивалось, что в настоящее время предпринимались попытки выделить различные классы (разряды) «туннелей», которые задаются такими идеями или смыслами, как *вера, любовь, честь, польза, справедливость, красота, истина, грех* и др., и что носителями таких идей являются *энергоинформационные поля* в виде *когнитивных пространств*, изучаемых когнитивной семантикой в лингвистике и субъективной семантикой в психологии (Романов, Романова, 2013: 248; Романова, 2007; см. также: Романов, Немец, 2006; Романов, Романова, Немец, 2006; Романов, Малышева, Зайналабдиев, 2013; Романов, Новоселова, 2013; Romanov, Novoselova, 2014; 2015; Romanov, Romanova, Novoselova, 2015).

Представляется также, что с идеей «дискурсивного окна» как «психологического орудия» в «системе средств формирования человеческого сознания» и идеей «туннельной реальности» как когнитивно - коммуникативного конструкта перекликается концепция Ф. Бекона об *«идолах»* (т.е. образах) как *укоренившихся представлениях, бросающих вызов способности человека отходить от устоявшихся понятий и принимаемых им без обсуждения*, но которые на самом деле представляют собой предрассудки, унаследованные человеческим разумом из того, *что мы усвоили* во время обучения или *что восприняли в общении* с другими людьми, или даже в зависимости от нашей конституции и как представителей человеческого рода, и как конкретных индивидов. При этом среди идолов, таких, например, как *идолы рода, пещеры, рынка, театра*, многие уже имеют, – т.е. наделены – социальный характер, поскольку они возникают из наших социальных связей.

В контексте предлагаемых рассуждений нельзя также не упомянуть идею Рома Харре о *«шаблонах»* как универсальных для данной или какой-то определенной (индивидуальной) *локальной этнографии* (т.е. индивидуальной когнитивной системы) *«структурных лекал»*, которые являются *устойчивыми элементами когнитивных ресурсов* любого *социально компетентного индивида* в пределах конкретного сообщества. *Индивидуальная когнитивная система* с ее различными уровнями информации о действительности и возможных мирах может анализироваться и позиционироваться как *процесс*, состоящий из единиц (дискурсивных практик), *характеризующих изменение* какого-либо *энергетического* (а также любого другого – физического, функционального или эмоционального / *аффективного, аффицированного*) **параметра** туннеля («шаблона, лекала», по Харре) соответствующей идеи как объекта *во времени*. Такая точка зрения дает возможность опираться на междисциплинарную перспективу методологического принципа применительно к анализу смысла выраженного параметра как «объекта», представленного в ментальном пространстве носителя языка в виде совокупности константных значений некоторых характеристик, которые при рассмотрении на более длительных масштабах

времени уже будут проявляться в такой же степени как причинно-обусловленный процесс (Романов, Романова, 2013: 249).

В этом случае *процесс понимания* смысла выраженного параметра (или даже структурной организации «лекала») может выступать в качестве универсальной *единицы осознания физической картины мира*, в которой находится (или: в которую вплетен) процесс понимания конкретного знакового конструкта как текст или дискурс. Процесс осознания и понимания *дискурса* как *тоннельного конструкта* в виде совокупности естественно-языковых практик осуществляется в комплексном, многомерном пространстве коммуникативного взаимодействия между отправителем и получателем дискурсивных практик, которое отражает объединяющие, по А.Н. Уайтхеду, начала **бытия** (как всего того, что может быть, т.е. как *потенциальное*), **действительности** (т.е. того, что осуществилось и которое не есть данное чем-то или кем-то, а есть *результат выбора становящегося бытия* в процессе интерпретации и её эволюции, *результат осуществленного* системой выбора со стороны интерпретатора) и **реальности** (как все то, что создается под воздействием усложненной системы выбора действительности интерпретатором). Иначе говоря, реальность есть вариант воспринимаемой и истолковываемой интерпретатором действительности, в том числе и **действительности дискурсивного, коммуникативного пространства** вербального конструкта. И подобным образом конструируется «реальная реальность». Такая «реальная реальность» контрарно может корреспондировать в пространстве коммуникативного взаимодействия *дискурса* как в фазовом пространстве форм знака, т.е. самого дискурса в его интерпретируемой ситуации, с «*виртуальным реальным*», то есть с тем, что конкретно создается воздействием символизма (символа, туннельного конструкта как знака) в качестве оператора социального действия у интерпретирующего субъекта. При этом, «*виртуальное реальное*» не следует понимать, как нечто кажущееся, иллюзорное, если исходить из латинской этимологии слова *virtus*. В *виртуальной реальности* проходит жизнь людей (их сценарии жизнедеятельности), людей с определенным тезаурусом, с определенной культурой.

Следовательно, множественность культурных миров, всевозможная вариантность воплощений культуры в инфосфере – это *действительность*, а жизнь в «родной» культуре есть жизнь, ограниченная рамками (т.е. жизнь «внутри») конкретной социокультурной системы *есть реальность*. Ср., например, появление новых средств связи или компьютеров с их программным обеспечением, которые в своем функционировании сценариев жизнедеятельности индивидов стали действительностью, а порожденные и порождаемые ими новые воплощения символизма есть порожденная, новая «информационная» реальность (Романов, Романова, 2013: 250; Romanov, Romanova, 2012).

Налицо ситуация, которую сам А.Н. Уайтхед назвал «переворотом в символизме», когда в процессе таких «переворотов» создается эффект

(результат) «финальной интерпретанты» (Уайтхед, 1990), появление которого *способно изменять реальность взаимоотношений между индивидами и даже культуры в целом*. В этой, вновь открывающейся ситуации у семантики есть возможность приобрести силу *воздействующего заряда*, эквивалентного прагматическому, и *стать орудием* (с определенной иллюкативной силой) и защитой информационной значимости содержания (смыслов) любого типового дискурса как «туннельного знака», так как действительность медийно-информационного мира свидетельствует, скорее, о том, что люди, погружаясь в дискурсивную реальность, «опираются по большей части на образы», на информацию, а не на живую реальность саму по себе (ср.: Беккер, 2002; Бауман, 2008; Бодрийар, 2007; Менегети, 2002; Романов, 1995; 1997; 2002; 2015; 2016; 2016а; 2016б; Романов, Романова, 2010; 2015; 2015а; 2016; Романов, Романова, Морозова, 2015а; Тоффлер, 2004; Сол, 2007).

Если продолжать аналогию дальше, то *аналогом* «вещества» – подчеркнём еще раз: аналогом или симулякр – но не самим «веществом», в котором воплощаются данные энергоинформационные образования (типовые «туннельные» знаки), выступает *форматный дискурс* («окно-дискурс»), представляющий единство деятельности, сознания и языка говорящего субъекта как когнитивного агента. Важно при этом иметь в виду, что энергоинформационные структуры способны овеществляться (перевыражаться) не только в вербальных знаках, но и в движениях, первичных с точки зрения генезиса человека действиях, а также в кинесике и проксемике (о специфике энерго-информационных структур коммуникации см.: Романов, Малышева, Зайнабдиев, 2013; Романов, Малышева, 2014; 2015). Больше того, такие качества сознания как *текучесть, динамизм, спонтанность, диалогизм, гармоничность* также находят свою реализацию в соответствующих вербальных структурах (ср.: Бауман, 2008; Беккер, 2002; Романов, Романова, 2012; Romanov, Romanova, 2012), в своих конкретных «туннельных знаках», например, «покаяниях», «обетах», «заповедях», «оберегах» и др. (о ритуальных «туннельных знаках» подробнее см., например: Романов, Романова, 2013; Романов, Романова, Федосеева, 2013).

Свойства энергоинформационных структур аккумулировать в дискурсивных «туннельных знаках» семантические (значимые) переменные» дискурсивной реальности или **когнитивные «мерности»** дискурсивных смыслов представлены в концепции «коммуникативного конструктивизма / конструкционизма» (Романова, 2005; 2007; 2009; 2009а; 2010; Романов, Романова, 2005; 2007; 2007а; Романов, Немец, 2006; Романов, Новоселова, 2012; 2013; Romanov, Novoselova, 2014; 2015; Romanov, Romanova, Novoselova, 2015), где *дифференциальные мерности* (признаки, значения) контрастно представлены на горизонтальной (временной) оси от диаметрально противоположных до возможных, приемлемых, неприемлемых или абсолютно нейтральных.

Например, смысловой объём «туннельного» дискурса со значением «утешение» – например, самое тривиальное: «Таня, Танечка, не плачь, не

утонет в речке мяч» – включает в себя не только контрарные значения «Разлада» и «Лада», но и расположенные на временной оси значения, которые в зависимости от направления движения отправителя и адресата в интерактивном пространстве туннеля «утешение» – совместное, а возможно и раздельное движение к «Ладу» либо движение к «Разладу» – должны пройти *нейтральную* зону или точку. Движение участников (отправителя сообщения и получателя сообщения) в ту или иную сторону по линии объёма (шкалы) форматного коммуникативного конструкта показывает набор реальных или возможных действий, приемлемых участниками для оценки и реализации своих планов и действий в фазовых пространствах.

Другими словами, движение участников показывает возможное (потенциальное) пространство дискурса – его «окно» действий (вербальных операций, суждений, посланий в виде коммуникативных практик, видеосюжетов, фотографий и карикатур и т.п.) или «*границы окна*», в которое (дискурсивное пространство) они вместе или каждый по отдельности (самостоятельно) могут входить или не входить (погружаться или не погружаться), чтобы по степени выбранной ими приемлемости своих действий и действий другого (т.е. действий отправителя и получателя, адресата) интерпретировать и оценивать их по шкале «*принимаю*» или «*не принимаю*» в качестве руководства к действию (см. подробнее: Романов, Немец, 2006: 48-82; Романов, Немец, Романова, 2006).

Аналогично работает «туннельный» механизм «дискурсивного окна» и при использовании других коммуникативных конструктов, например, конструкта «угроза», условия реализации которого в медийно-дискурсивном информативном пространстве не регулируются жёстко предметной сферой – только обыденного или только политического – взаимодействия в созданной участниками дискурсивной реальности, но обуславливаются её эмоциональной сферой. Целесообразно подробнее остановиться на функционально-семантической специфике медийного «туннельного» знака «угроза», отмечая при этом, что для разных сфер жизнедеятельности (или предметных областей) у человека существуют разные конструктивные системы. Поэтому типовые сценарии жизнедеятельности человека наполняются конкретным содержанием тогда, когда они включаются в контекст вполне «определённой предметной области» (Хьелл, Зиглер, 1997: 36).

Коммуникативный конструкт – это смысловая единица более высокого уровня, чем понятие, это «трактовка ментальной репрезентации как специфического языка мышления» (Келли, 2000: 228), это контрарный тип отношения «мерностей» на протяжении семантического объёма «туннельного» знака. В этом процессе (т.е. трактовке и оценке, в мерности) отправной точкой является сам человек как *когнитивный агент*, который *самостоятельно производит отсчет для себя, своей деятельности* и для *выработки ориентационных форм поведения*. К этому следует добавить, что человек через «туннельный» знак воспринимает «внешнее» (окружающий мир) через «внутреннее» (свое сознание), причем границы образа мира и

образа себя в этом мире достаточно подвижны (Романов, немец, 2006; Романов, немец, Романова, 2006).

Чтобы зафиксировать эмоциональную «интенсивность глубины» прагматического воздействия, которую дискурсивная угроза как «туннельный» знак оказывает на собеседников, необходимо отметить, что в когнитивном плане наиболее важными элементами для отражения полученного опыта в виде определенного конструкта являются *диспозиции модальностей Я-говорящего субъекта* как когнитивного агента, т.е. многообразные оттенки самовосприятия себя, другого человека и предметов реального мира или мира дискурсивной реальности. Как и другие элементы, каждая *Я-модальность* имеет вполне определенное местоположение на континууме коммуникативного конструкта (Романов, немец, Романова, 2006).

Диспозиция модальности Я-говорящего субъекта представляет собой то, что создается в процессе и посредством дискурсивной интеракции по ходу и мере реализации её условий, когда отправитель и адресат идентифицируют себя как личности и обозначают свои цели и желания. В этом плане диспозиция становится действенным элементом (действием-практикой) социально-коммуникативной интеракции и жизненного сценария её участников (Романов, немец, Романова, 2006; Романова, 2009: 149-150). Каждая диспозиция имеет свойство проявляться в когнитивном, обыденном и дискурсивном поведении вполне определенным образом в виде той или иной коммуникативно-дискурсивной практики. Причем конструктивная манифестационность дискурсивного (вербального и невербального) поведения вполне рельефно может отражать взаиморасположение модальностей Я когнитивного объекта, т.е. адресата (Романова, 2009: 150).

Коммуникативный конструкт «угроза» представляет собой определенный тип отношений между такими понятиями антонимического плана, как эмоциональное комфортное и дискомфортное состояние (ср.: «Лад» и «Разлад» в конструкте «утешение» в работах: Романов, немец, 2006: 31; Романова, 2009: 36; 2007). Конструкт предполагает, что кроме данных понятий-антонимов существует, некое среднее понятие (Романов, немец, 2006: 31; Романова, 2007; 2009: 36), относящееся к тому же роду и разделяющее объемы крайних. Подобный тип отношений называется контрастностью. Другими словами, на *континууме содержания конструкта* «угроза» между эмоциональным комфортным и дискомфортным состоянием участников дискурсивно-интерактивного воздействия имеется промежуточное звено как точка отсчёта – аффицированное эмоциональное состояние, под которым понимается такой элемент конструкта угрозы, который отображает *затронутость положительных или отрицательных эмоциональных* переживаний собеседников.

Движение от комфортности к дискомфорту можно графически представить в виде *определенной линии*, направленной от полюса эмоционального комфортного состояния к дискомфортному состоянию и *проходящей* через аффицированное состояние:

К|-----А-----⇒|Д.

При этом важно обратить внимание на диспозицию эмоционального состояния «Без аффекта» в архитектонике коммуникативного конструкта «угроза», которая (диспозиция) делит данный конструкт *на две равные части с центром в точке 0* (ноль; Без аффекта): *левая часть* соответствует аффицированным положительным переживаниям собеседников (+А), *правая* – аффицированным отрицательным (-А). Данная диспозиция *служит когнитивной (мысленной) точкой отсчета* аффицированного отрицательного и положительного состояний Я – собеседников:

$$K |-----(+A)-----0-----(-A)----- \Rightarrow | D$$

Условные обозначения схем таковы: К – комфортное эмоциональное состояние, А – аффицированное эмоциональное состояние, Д – дискомфортное эмоциональное состояние, знак \Rightarrow обозначает движение от полюса эмоционального комфортного состояния к дискомфортному состоянию; знак 0 читается как «ноль» и указывает на равную удаленность от К и Д; знак \rightarrow указывает *направление расширения* коммуникативного пространства *конструкта* «угроза»; знак | используется для обозначения границ возможных диспозиций эмоционального состояния Я-адресата и Я-адресанта угрозы, т.е. конструктивно-коммуникативного пространства (окна, формата, границы) дискурсивных практик участников медийных менасивных действий.

В условиях реальной коммуникации дискурсивная практика с менасивным компонентом может быть причиной (не каузировать) появления у адресата каких-либо постоянных негативных переживаний, то есть она не обязательно должна причинять *возникновение дискомфортного состояния*. Подобная ситуация возможна в том случае, если адресат угрозы уверен, что адресант (отправитель) не в состоянии или не намерен выполнить указанное в угрозе менасивное действие. Так, например, при проекции диспозиции Я-слушающего, вызванной следующими угрозами в нереальной действительности – *Upon my word, sir, if you were a younger man you would not dare to speak to me in so offensive a fashion, If I had been in HIS place —I would have laid you dead on the hearthrug*, можно просто даже не попасть в точку дискомфортного состояния (Д) на континууме содержания конструкта «угроза», а оказаться, например, в точке аффицированного состояния (А) (см. схему выше). Отправитель, посылая такие угрозы, не имеет возможности совершить менасивное действие – и адресат знает об этом – и, следовательно, такой угрозой её автор в состоянии лишь вывести адресата из полярной зоны комфортного состояния, но и не в состоянии ввести его в противоположное (дискомфортное) состояние. Подобным образом функционируют угрозы, выраженные, например, в шутку, так как они практически не выводят собеседника из полярной зоны комфортного состояния коммуникативного конструкта «угроза»: *Just for that, and for all the rest of your insolences, the three of you are going to get yours* (London, 2010).

Очевидно, коммуникативный конструкт «угроза» специфичен в своей дискурсивной реальности тем, что *расположению* входящих в него *конституентов* (т.е. семантически значимых переменных дискурсивной

реальности или когнитивных «мерностей» дискурсивных смыслов) *присущ иерархический* (или *поэтапный*), соподчиненный *характер*. В этом соподчиненном и иерархически установленном порядке располагаются *диспозиции пиковых переживаний* (-2 и +2), *промежуточные* (средние) *диспозиции* (+1 и -1), а также *нулевая точка* или *нулевая диспозиция* (0; Без аффекта), которые, *отличаясь* друг от друга *степенью интенсивности воздействия* на адресата угрозы, задают определенные рамки (формат, границы) дискурсивного окна в пределах типового медийно-дискурсивного взаимодействия «угроза»:

+2 +1 0 -1 -2.

Примером того, как практика-угроза, произнесенная перед осуществлением указанных в ней менасивных действий и маркирующая тематическое дискурсивное действие, вводит собеседника в дискомфортное эмоциональное состояние, являются следующие практики: *'Can't you, indeed, David?' he said. 'We'll try that.' He had my head as in a vice, but I twined round him somehow, and stopped him for a moment, entreating him not to beat me* (Dickens, 2010). А следующие практики, наоборот, вводят адресата угрозы в состояние близкое к дискомфортному: *You prepared to die?* (Twain, 2010); *As sure as I'm living, I'll break the brat's neck* (Bronte, 2010); *But, with the help of Satan, I shall make you swallow the carving-knife, Nelly* (Bronte, 2010)!

Отмеченные функционально-прагматические условия реализации дискурсивного окна практик-угроз как «туннельных» знаков-конструктов, позволяют заключить, что практически, любая угроза, дискурсивно реализованная в диалогической менасивной интеракции, представляет собой одну из возможных диспозиций Я-говорящего и Я-слушающего на континууме содержания коммуникативно-дискурсивного конструкта «угроза», в то время как сам коммуникативный конструкт «угроза» охватывает лишь дискурсивное («туннельное») пространство угрозы в виде простой или «срежиссированной» совокупности менасивных действий-практик и набора возможных диспозиций эмоциональных состояний Я-говорящего и Я-слушающего. В структуре самой диспозиции подлежат учету не только позиции *представителей* (т.е. участников социальной интеракции с различным ролевым репертуаром и статусом), но и принимается во внимание роль сопутствующих *конституентов* социального окружения. Поэтому манипулятор-отправитель для *каждого* из названных *представителей* и *конституентов* всегда может найти (или дискурсивно обозначить) место на континууме между полюсами конструкта «угроза» и использовать это слабое или выигрышное место для своей выгоды.

Овладение манипулятивным механизмом «нахождения / открытия» и последующего «дискурсивного обозначения» таких «*болевых*» или «*эмоционально чувствительных*» мест в контрарном континууме диспозиций конструкта «угроза» даёт отправителю дискурсивных посланий возможность и преимущества эффективнее распространять и закреплять в сознании адресата целевую меметическую информацию. Очень важно иметь в виду, что при планировании границ «дискурсивного окна» коммуникативного

конструкта угрозы *необходим учёт* того *эмоционального состояния*, в котором находится *автор* или *отправитель* послания-угрозы, ибо сам адресант угрозы может находиться в точке комфортного или аффицированного, т.е. затронутого дискомфортивными эмоциями состояния, например, чувствами *обиды, зависти, мести, злорадства*, что позволяет выработать механизм успешного отражения посланий-угроз (Романов, Новоселова, 2013).

В качестве иллюстративного примера можно в этой связи привести принятое Б. Обамой решение о высылке 35 российских дипломатов из США в канун новогодних праздников 2017 года и «симметричный» ответ российского лидера В.В. Путина на такую «кухонную дипломатию» публичным приглашением американских дипломатов в Москве посетить с их детьми новогоднюю ёлку в Кремле, а не адекватной высылкой, на что рассчитывала американская сторона. Своим ответом Президент России обозначил границу «дискурсивного окна» угрозы Б. Обамы и его личного эмоционального состояния, которое, по содержанию ответа В.В. Путина, не соответствовало уровню такого политического деятеля, как Президент США, а подходило, скорее, обыкновенному простому человеку, затаившему обиду и злость на всех вокруг за провалы и неудачи своей политики в последний месяц своего пребывания на высоком государственном посту.

Очевидно, что эмоциональное состояние партнеров по медийной конфликтной интеракции находит свое отражение в выборе ими языковых средств маркирования коммуникативной интенции. Например, нахождение автора угрозы в зоне близкой к дискомфортному эмоциональному состоянию (зона аффицированного негативного переживания) определяет маркирование им коммуникативной интенции угрозы чаще всего простыми восклицательными предложениями, которые содержат упоминание наказания, т.е. менасивное действие, которое говорящий (отправитель) намерен совершить, что прагматически лишь транспонирует угрозу в предупреждение (Романов, 1997; 2000а; 2001; 2015; Романов, Романова, 2011; Романов, Романова, Белоус, 2006).

Эмоциональное воздействие угрозы на Я-собеседника направлено на ввод его в одну из возможных диспозиций некомфортного эмоционального состояния рассматриваемого конструкта. Введение собеседника в пиковую точку некомфортного эмоционального состояния (состояния постоянного страха, фобии, стресса) не является конечной целью автора угроз, так как он скорее заинтересован в таком воздействии на собеседника, в котором последний совершит действия, каузируемые угрозой. К тому же в интересах адресанта угрозы использовать угрозу с затратой минимальных эмоциональных усилий для себя, то есть не изменяя своего состояния в сторону негативных эмоциональных переживаний континуума коммуникативного конструкта угрозы. Для выхода из некомфортного эмоционального состояния и продолжения согласованного общения слушающему необходимо выполнить действия, каузируемые угрозой.

Таким образом, использование технологии «дискурсивного окна» в реализации «туннельного» конструкта «угроза» представляет собой сложную в динамическом плане интерактивную когнитивную ситуацию, которая с учетом количества элементов рассматриваемого коммуникативного конструкта и степени доминирования положительных или отрицательных эмоциональных состояний может быть и является на практике подвижной. Предлагаемая технология «дискурсивного окна» характерна тем, что она, главным образом, ориентирована на **совместную** (согласованную, синергичную, т.е. «со-работническую») **деятельность участников** дискурсивной интеракции, открытую для декларации своих коммуникативных целей и намерений. Даже в случае реализации каких-либо противоречивых по целевым параметрам и установкам реальных практик-угроз, эта модель может быть дополнена, расширена или снята (сужена) в семантическом объеме их «туннельного» конструкта путем выработки более точной градации оттенков диспозиций эмоциональных состояний собеседников и конкретной «мерности» («прецизионной» точности) этих оттенков. При этом направления воздействия самораспространяющейся информации, создаваемые подвижностью модели «дискурсивного окна» эмоционального воздействия конкретных практик-угроз, остаются инвариантными в рамках коммуникативного конструкта «угроза», но будут задавать конкретный формат (границы, объём) для своего специфического «дискурсивного окна», позволяя ему то расширяться, то суживаться.

В последнее время широкое распространение в области эффективных политических коммуникаций и информационных противоборств получила американская разновидность модели «окна» самораспространяющейся информации, которую называют «окном» Овертона по имени её создателя – Джозефа П. Овертона, предложившего во время работы старшим вице-президентом в Макинском центре публичной политики (MacKinac Center for Public Policy, USA) в середине 1990-х годов «удобную» модель («рамки») *изменения представления проблемы в общественном мнении*. Цель создания такой модели очевидна: она создавалась для того, чтобы *оценивать* публичные суждения *по степени их приемлемости* с точки зрения общественной морали для открытого политического обсуждения в обществе. Несмотря на то, что сама модель активно использовалась при жизни её автора во внутренних семинарах центра, широкое распространение она завоевала у политических аналитиков мира в последние 15-20 лет, хотя концептуально она впервые оформилась в целостную модель лишь в 2006 году, через три года после гибели Дж. Овертона.

Основная идея модели (или «окна») Овертона сводится к выработке на конкретной шкале допустимых границ (рамки) «окна» в оценках публичных обсуждений (т.е. дискурсивного пространства) в обществе. Автор модели полагал, что публичный дискурс (обсуждение) континуально можно представить в виде шестиступенчатой оценочной шкалы, которую он называл «осью» политического дискурса. Такой осью политического дискурса является, по мнению автора, **большая или меньшая степень**

свободы, которую он увязывал со степенью регламентации общественных институтов со стороны государства.

Согласно Дж. Овертону, в каждый момент времени *некоторые идеи* составляют действующую *норму*, образуя *точку отсчёта*, а остальные идеи могут либо входить в диапазон допустимых, либо не входить в этот диапазон. Исходя из этого положения, появление и закрепление новых идей в политическом пространстве, как показывает модель, возможно только при перемещении «окна» дискурса, которое позволяет безопасно (т.е. не конфликтно, а постепенно, поэтапно, как бы шаг за шагом приручая адресата к такому фокусу поворотов тем – А.Р.) для репутации политика обсуждать идеи и решения, считавшиеся до этого слишком радикальными.

Таким образом, «окно» Овертона практически вторит (повторяет) структуре «туннельного» коммуникативного конструкта, если это «окно» линейно развернуть и представить в виде следующей записи: *Больше свободы* – Немыслимо – Радикально – Приемлемо – Разумно – Стандартно – *Действующая норма* (как нулевая отметка в коммуникативном конструкте) – Стандартно – Разумно – Приемлемо – Радикально – Немыслимо – *Меньше свободы*.

Очевидно, что в предложенной записи имеются – как и в концепции «окна дискурса» коммуникативного конструкта – две контрарные точки, а именно: *Больше свободы* и *Меньше свободы*, которые в шкалированном измерении равно удалены от *нулевой точки*, именуемой *Действующей нормой*. С этих позиций «окно» Овертона будет включать равноудаленное от нулевой точки пространство шкал, а именно: *Приемлемо* в направлении от нулевой отметки в сторону больше свободы и *Приемлемо* в направлении от нулевой отметки в сторону меньше свободы. Другими словами, «окно» Овертона охватывает следующие шкалы в пространстве от *Приемлемо слева* от нулевой точки до *Приемлемо справа* от нулевой точки, т.е. окно включает в себя следующий набор приемлемых для общества точек: **от Приемлемо** (с большей свободой) – Разумно – Стандартно – *Действующая норма* (как *нулевая отметка* в коммуникативном конструкте) – Стандартно – Разумно – **до Приемлемо** (с меньшей свободой).

Проанализировав фактические высказывания политика в сравнении с декларированными политическими позициями (партий, течений, групп, союзов), Дж. Овертон заключил, что поведение большинства политиков, избираемых в соответствии с демократическими принципами, определяется общественным мнением. Сопоставив дискурсивные практики (высказывания с контрарными позициями «оси дискурса»), он обнаружил, что они лежат внутри окна дискурса в диапазоне от Приемлемо, где Больше свободы до Приемлемо, где Меньше свободы.

Объективности ради, следует, однако, отметить, что вывод Дж. Овертона о зависимости поведения политика от общественного мнения не является новым и достаточно хорошо известен в специальной литературе. Так, в частности, в ряде работ (Романов, 1997; 1998; 1999; 1999а; 2000; 2002; Романов, Черепанова, 1998; Романов, Черепанова, Ходырев, 1997) был

предложен и апробирован метод оценки конфликтного поведения политика с целью формирования «благоприятного общественного мнения относительно его личности и политической программы» (Романов, 2002: 139-140; Романов, Черепанова, 1998; Романов, Романова Е., Воеводкин, 2000; см. также: Морозова, 2005: 179-189), где фиксировалась определенная зависимость поведения – в широком смысле: от вербально до невербального – политика от настроений в обществе и спектра политических течений в нём. Была также предложена шкала нормативности / ненормативности относительно поведения политика при использовании им типовых речевых актов, а также шкала оценок конфликтной личности политика.

В последнее время модель Овертона претерпела ряд модификаций. В частности, Дж. Тревиньо, предложил для оценки допустимости идей конкретную шкалу, включающую поэтапное шкалирование в следующем порядке: *немыслимые – радикальные – приемлемая – разумные – стандартные – действующие* (норма). По Тревиньо, идеи, попадающие под оценку (в разряд) приемлемых, образуют границы «окна нейтрального политического дискурса». Поэтому все высказывания, находящиеся в пределах приемлемых оценок «окна» дискурса, считаются политически безопасными, т.е. лишенными политического риска для публичного политика, способного иметь имидж предсказуемого и надежного политика, готового продолжать свою политическую карьеру.

Последующее развитие концепции «окна» Овертона связано с изучением эволюции формата и границ допустимости (приемлемости) рамок «окна», обусловленных воздействием текущих политических событий и медиадискурса. Было подмечено Дж. Леманом, что наиболее устойчивые сдвиги окна политического дискурса есть следствия глубоких социальных изменений в обществе. Также было отмечено, что сильные политические лидеры не нуждаются в сознательной поддержке идей, выходящих за рамки «окна» Овертона. Своим вербальным (дискурсивным) поведением политики-лидеры могут менять рамки дискурса, так как они не боятся выходить за пределы рамок «окна» Овертона, потому что им всегда есть, что предложить обществу в качестве конкретных шагов его стратегического развития. Точно также и политические аутсайдеры не очень дорожат данной технологией и не очень нуждаются в такой целенаправленной и сознательной поддержке своих идей технологиями «рамок» или «окна», опасаясь, что такая поддержка может сказываться на потере собственной репутации и имеющегося политического капитала и веса.

В этой связи ярким и поучительным примером может служить предвыборный дискурс Д. Трампа, который в своей предвыборной кампании не опирался открыто на общественную поддержку собственной партии и не ориентировался безоговорочно на медийные оценки своей политической позиции в местных «информационных бюллетенях» или «протоколах действующей власти», по Дж. Солу (2007: 31), в то время как его соперник – Х. Клинтон всецело полагалась на веру в эту «власть» и в то, что писали в газетах, журналах и показывали на различных каналах американских ТВ, т.е.

она полностью опиралась на создаваемую таблоидами медийно-дискурсивную реальность её будущего успеха и победы на выборах. Однако реальность действительная, а не медийно-дискурсивная, не играла по законам «рамки» окна Овертона и, как известно, её подвела. Так технология «окна» Овертона дала ощутимый сбой и нанесла урон своей репутации, не позволив привести кандидата от демократической партии к желаемой вершине власти.

Безусловно, простота, доступность и наглядность идеи создали как самому термину, так и технологии «окна» Овертона заметную популярность, особенно в наши дни, когда к исходной концепции некоторые авторы, например Дж. Тревиньо, Дж. Леман, добавили идею о возможных сознательных манипуляциях рамками дискурсивного «окна» Овертона путем искусственного передвижения «рамки допустимого» по «оси» дискурса, что позволяло менять веер возможностей внедрения самых различных идей с оценкой в диапазоне от недопустимого к допустимому. Несмотря на то, что сам автор и его последователи допускали возможность манипулирования «рамками» дискурса, тем не менее, они считали распространение ложной информации или «черной информации», «черного PR», «сабжа» неприемлемой технологией в политической деятельности.

Однако сегодня нужно признать, что термины «окно» Овертона или «технология рамки» Овертона приравниваются к эффективным технологиям сознательной манипуляции общественным мнением с возможностью вирусного «вброса», внедрения в общественное сознание и продвижения в общественном мнении наиболее радикальных, arrogantных и парадоксальных ранее идей, позволяющих медленно обойти здравый смысл и ослабить волю к сопротивлению принятия невообразимому здравому смыслу немислимого порядка вещей, способных расшатывать устоявшиеся морально-этические ценности, национальные «шаблоны поведения» и «этнографические лекала», по Р. Харре. И хотя данная модель, как уверяют её технологи, не служит чисто прагматическим задачам и пропагандистским целям «промывания мозгов», тем не менее, используемые в рамках данной модели коммуникативные и инструментальные технологии вкупе с новейшими IT-технологиями можно расценивать как технологии более тонкого и мягкого воздействия (технологии «мягкой силы»), как технологии «психического», по В.М. Бехтереву, или «вирусного» заражения массового сознания, эффективность которых базируется на последовательном (шаг за шагом), системном применении и незаметном для «общества-жертвы» самого факта информационного воздействия как такового.

Правда, необходимо, однако, признать, что в теоретическом плане такие технологии новыми и революционными можно назвать с определенной долей условности. Как было показано, теоретическая основа концепции «окна» Овертона не ушла далеко от идеи семантического описания коммуникативного конструкта в дискурсивной реальности, а эффективность воздействия механизма «бомбардировки смыслами» массового потребителя информационных посланий, по Ж. Бодрийару, и медийной технологии

превращения потребителя массовой информации в «демассифицированного» члена сообщества, в понимании Э. Тоффлера, достаточно хорошо описаны и проанализированы в литературе. И, наконец, коммуникативная технология поэтапного – шаг за шагом – «приручения» другого в своего, «близкого по духу» и «сердцу», убедительно показана Экзюпери в его сказке-притче «Маленький принц» и в целом ряде работ, посвященных «бенефициарной», «обманной» и «меметико-регулятивной» разновидностям коммуникации, в которых объясняется, как вербальный «механизм приручения адресата» использует бессознательное, чтобы не вызвать подозрений со стороны «своего смыслового цензора» и незаметно обмануть его (Лакан, 1995; 1997; также: Романов, 2002; 2015; 2016; 2016а; 2016б; Романов, Малышева, 2015; 2016; Романов, Малышева, Новоселова, 2014; Романов, Морозова, 2015; Романов, Романова, 2015; 2015а; 2016; 2016а; 2016б; Романов, Романова, Морозова, 2015в; Романов, Ульянич, 2014).

Поэтому сегодня не совсем оправданной представляется абсолютная демонизация медийно-дискурсивной технологии «окна» или «рамки» Овертона в сфере сознательной и «срежиссированной» манипуляции, поскольку, например, в истории PR-технологий работа по дискредитации своих политических и экономических конкурентов велась еще с незапамятных времен. Больше того, есть основания полагать, что опытные образцы такой модели уже были апробированы в середине 80-х годов прошлого века американскими агентами по связям с общественностью в политической сфере национальных PR, когда после теледебатов между Р. Рейганом и У. Мондейлом местным журналистам были предложены готовые текстовые шаблоны, заготовки, матрицы и схемы для того, чтобы журналисты смогли придать в опубликованных материалах своих таблоидов такое значение содержанию дебатов, которое отвечало бы *допустимой, правильной и нужной* для общественного сознания *схеме их интерпретации* массовым адресатом, т.е. читателями, телезрителями, радиослушателями (Романов, Малышева, Новоселова, 2014; Романов, Морозова, 2015).

Очевидно, что, предлагая сконструированные и готовые к распространению схемы интерпретации содержания дебатов, политтехнологи избирательной кампании уже в то время были способны передвигать в общественном сознании «рамки» возможных интерпретаций с немислимых и неприемлемых границ оценок содержания дебатов по «оси дискурса» на приемлемые, разумные, стандартные оценки с точки зрения мышления среднего американца.

В последствии этот приём стали применять в управлении новостями, который был назван термином «технология спин-докторинга», в задачи которой входило придание благоприятного смысла новостям, а также при необходимости провоцирование позитивного или, если это требовалось, негативного изменения отношения к ним со стороны массового адресата. Сегодня к сфере деятельности «спин-докторинга» также относят разработку и применение медийных технологий под названием «гибких PR-технологий» или технологий «спин-докторинга» для работы с общественным сознанием,

которые могут применяться не только для того, чтобы «фиксировать» результаты после совершившихся событий (речи, интервью, дебаты участников публичных акций и т.п.), но и для того, чтобы в плане информационного воздействия эффективно управлять ожиданиями совершения самого события, которое готовится их «режиссерами» к реализации или которое по плану может произойти в будущем (ср.: Романов, 1988: 20-49; 2002: 58-66; 2014: 37; Романов, Малышева, Новоселова, 2014: 126-131; 2014а: 158-163).

В этой связи можно полагать, что медийно-коммуникативные технологии «спин-докторинга» как технологии «верчения, кручения в нужном времени, ракурсе и порядке новостных дискурсных посланий и известий» схожа с вышеупомянутыми технологиями «рамки / окна возможностей» и поэтому с полным правом может быть причислена к разновидности технологий «окна» Овертона, которые активно используются не только в сфере политической коммуникации, но и в гуманитарной, военно-политической, финансово-экономической, социальной, информационно-коммуникативной сферах жиз-недеятельности общества, то есть там, где, по выражению Хун Цзы Чена, «размеры пространства обусловлены нашим сознанием» (о коммуникативном механизме технологий спин-докторинга подробнее см.: Романов, 2002; 2015; 2016; 2016а; 2016б; Романов, Малышева, 2014; 2015; 2016; Романов, Морозова, 2015; Романов, Новоселова, 2012; 2014; Романов, Романова, Морозова, 2015; 2015а; 2015в; Романов, Романова, 2015; 2015а; 2016; 2016а; 2016).

Таким образом, *подводя итог* вышеизложенному, приходится констатировать, что на сегодняшний день развитие идей успешного внедрения в массовое сознание «самораспространяющихся», «живущих идей, т.е. идей, активно прошивающих насквозь сознание человека», с использованием эффективного механизма их порождения, управления и трансляции через медийную инфосферу дискурсивных смыслов влечет за собой изменение той концептуальной сетки и системы национальных традиций, взглядов, ценностей и паттернов поведения, посредством которой человек как говорящий субъект и когнитивный агент осмысливает мир дискурсивной реальности, порождая новый медийно-информационный, дискурсивно-образный или «клонированный» стиль мышления (Романов, 2002).

Природа такого стиля мышления и поведения не нова, ибо, как отмечал А. Менегетти, ещё со времен Эсхила любой образ может быть запрограммирован на цель создать либо самого себя (т.е. «клон», «симулякр», «имитацию» – А.Р.), либо систему, предписывающую создание схемы этого образа: *логос ради логоса*. Поэтому в условиях массивированной «бомбардировки» сознания информационными смыслами, по Ж. Бодрийару, человеку трудно избежать ситуации, чтобы не жить жизнью, порожденной потреблением той информации, которая его «клонировывает», переформатирует. В этой связи сегодня крайне важно задуматься о роли и влиянии дискурсивной информационно-коммуникативной сферы на жизненное

пространство человека, так как в современном глобальном мире она практически полностью «втянула» такого человека в своё пространство и сопровождает его непрерывно, опутав сетью коммуникативных практик дискурсивной реальности.

В результате получается, что созданная информационно-коммуникативной сферой дискурсивная реальность существует и функционирует как дискурсивная действительность информационно-коммуникативного мира, свидетельствующая о том, что в своей современной жизнедеятельности – в своих «сценариях жизни» – люди опираются на образы, на информацию, а не на живую реальность саму по себе, подтверждая тем самым идею постструктуралистов о том, что образ, отражение не реальны без бытия, а вот бытие реально и без знака. А это означает, что знак (образ, отражение) может информировать (воздействовать, влиять) настолько интенсивно, что его влияние приводит, по утверждению Менегетти (2002: 122-124), к «деформации элементарной энергии жизни» человека и может «зажимать, ограничивать, форсировать» его жизненную энергию в широком понимании, вплоть до той точки, когда человек не сможет выстоять, не изменив свои привычные взгляды, установки, ценности и формы поведения на радикальные, arrogantные, парадоксальные и даже невообразимые здравому смыслу.

Обобщив некоторый опыт работ, связанных с проблемой контролирования и регулирования механизма «самораспространяющейся», «вирусной», «меметико-регулятивной» информации в виде медийных дискурсивных посланий, направленных на массового адресата и потребителя с целью завоевать его когнитивное пространство и имплантировать в нем эти послания, удалось обозначить основания, позволяющие выделить, как минимум, два направления (подхода) в исследовании указанной проблемы.

Первое направление, условно именуемое «динамической моделью окна дискурсивной реальности» или «окно дискурса», включает в себя такие её разновидности как «окно дискурса как коммуникативного конструкта», «дискурсивное окно туннельного конструкта», а также концепцию «национального «шаблона поведения» и «этнографических лекал» Р. Харре и концепцию Ф. Бэкона о существовании «идолов» (т.е. образов) как укоренившихся представлениях, бросающих вызов способности человека отходить от устоявшихся понятий и принимаемых им без обсуждения.

Основная идея использования технологии «дискурсивного окна» в реализации «туннельных конструктов» представляет собой сложную в динамическом плане интерактивного обмена когнитивную ситуацию, которая с учетом количества элементов рассматриваемого коммуникативного конструкта и степени доминирования положительных или отрицательных эмоциональных состояний может быть и является на практике подвижной. Предлагаемая технология «дискурсивного окна» характерна тем, что она, главным образом, ориентирована на *совместную* (согласованную, синергийную, т.е. «со-работническую») *деятельность участников* дискурсивной интеракции, открытую для декларации своих

коммуникативных целей и намерений (Романов, 1988). Даже в случае реализации каких-либо противоречивых по целевым параметрам и установкам реальных практик-угроз, эта модель может быть дополнена, расширена или снята (сужена) в семантическом объеме их «туннельного» конструкта путем выработки более точной градации оттенков диспозиций эмоциональных состояний собеседников и конкретной «мерности» («прецизной» точности) этих оттенков на оси совместного продвижения к результирующему эффекту. При этом направления воздействия самораспространяющейся информации, создаваемые подвижностью модели «дискурсивного окна» эмоционального воздействия конкретных коммуникативных практик, остаются инвариантными в рамках типового коммуникативного конструкта, но будут задавать конкретный формат (границы, объём) для своего специфического «дискурсивного окна», позволяя ему то расширяться, то суживаться.

Второе направление, названное именем его создателя – Дж. П. Овертона, охватывает базовую концептуальную модель «Окна» Овертона и её модифицированные разновидности: «окно возможностей» и «эволюция рамок окна Овертона», которые описывали технологии шестиступенчатой оценочной шкалы для классификации суждений, идей по степени их приемлемости и допустимости в открытом политическом обсуждении.

Согласно базовой модели, появление и закрепление новых идей в политическом пространстве может происходить при искусственном (манипулятивном) перемещении в овертоновском «окне» дискурса «рамок допустимого» в диапазоне от *недопустимого* к *допустимому*, благодаря чему возникает возможность безопасно обсуждать и продвигать в массовое сознание идеи и решения, которые считались до этого либо слишком радикальными, либо недопустимыми для обсуждения. Манипулятивный характер такой модели заключается в постепенном и скрытном (незаметном) перемещении «рамок допустимого» по «оси» дискурса продвигаемой в обществе идеи посредством организованного заинтересованными «режиссерами» или манипуляторами (т.е. теми, кто преднамеренно и сознательно создает факт либо конфигурирует его по собственному усмотрению и намерению, «кто, по А. Менегетти, «придает» такому факту нужные ему «очертания») дискурсивного пространства или дискурсивной реальности, чтобы в конечном итоге «сломать» это общество. Примечателен тот факт, что базовая модель не предполагает в коммуникативном плане активного участия адресата и даже не рассчитывает на активную обратную связь с ним. Его роль однозначна и статична; она рассчитана лишь на потребление направляемой информации и рефлексии в рамках конфигурационной заданности оценок факта, чтобы накопить соответствующую «критическую массу» для дальнейшего информационного прорыва и взрыва.

Скрытность незаметного внедрения в общественное мнение (сознание) нужной – или ещё немислимой, не обсуждаемой в обществе на момент формирования дискурсивной реальности – идеи (образа, информации,

например: «арабская весна», «цветная – оранжевая, белая, розовая – революция» или «революция достоинства») обеспечивается поэтапной её легализацией и легитимацией. Другими словами, *манипуляция* механизмом «веерного сдвига», смены «рамки допустимого» и «возможного» в пределах создаваемой дискурсивной реальности с целью продвижения в массовое сознание немислимой идеи *есть последовательность* таких действий-оценок по «оси дискурса», исполнение которых (последовательных действий-оценок) постепенно, начиная от немислимых к радикальным, а затем к приемлемым и разумным и, наконец, к стандартным и нормативным, неизбежно приведет к запланированному (желаемому) результату: общество смирился с ними и примет их в качестве допустимых и нормативных. При этом важно иметь в виду, что каждый «веерный сдвиг» (этап) рамок «допустимого» и «возможного» требует применения своих комплексных технологий, в числе которых можно назвать следующие: *технология* «квазинаучного» обсуждения» (диспуты, семинары, конференции), *технология* «подмены подлинного названия идеи» с целью увести суть проблемы от её обозначения, например, переворот на Украине – «революция достоинства», захват власти в Грузии – «революция роз», или какие-либо иные названия типа «бархатная революция» и т.п., *технология* «создание опорного прецедента» в истории, в настоящем или в мифическом будущем», когда подбирается нечто похожее в историческом развитии общества или придумывается какой-либо исторический факт, аналогия, или просто создается «вербальный миф» личности политика, фирме, продукту (Романов, 1988; 2000; 2004; Романов, Черепанова, Ходырев, 1997; Романов, Черепанова, 1998; Романов, Романова Е., Воеводкин, 2000), *технология* «возведения идеи в Топ», *технология* «экспертного мнения», *технология* «мнения медийных персон и иных знаменитостей», *технология* «составления всевозможных рейтингов популярности идеи / проблемы» в различных «информационных бюллетенях» или «протоколах действующей власти», по Дж. Солу (2007: 31). Вот почему технологию «окна» Овертона можно считать комплексной технологией внедрения немислимых идей.

Очевидно, что предложенная модель «окна» Овертона и её модифицированные варианты – это комплекс коммуникативно-манипулятивных технологий внедрения немислимых идей, которые используются различными политиками, политстратегами, политтехнологами, ньюсмейкерами, финансистами, руководителями крупных промышленных корпораций для изменения и преобразования представлений о предлагаемой общественному мнению – различного уровня и масштаба: от города, региона, страны, межгосударственных и межконтинентальных союзов и объединений – проблеме (также: идее, информации, программе, стратегии развития общества, явлении, политическом лидере и т.п.), чтобы совершенно новое, необычное или, наоборот, нечто чуждое, непривычное общественной морали и практически отвергаемое обществом явление эффективно и результативно было доведено до стадии «актуальная проблема», то есть чтобы это явление уже принималось массовым сознанием как широко обсуждённое,

нормативное и закреплённое в законодательных актах или «протоколах власти», по Дж. Солу.

Если попытаться сопоставить выделенные направления (подходы), то можно отметить их общие моменты и различия. Совершенно очевидно, что оба направления реализуют себя в коммуникативной сфере дискурсивного воздействия, отличаясь друг от друга разными прагматическими задачами. По сути, оба направления также опираются на один и тот же механизм оценки дискурсивного воздействия, а именно: на шкалированные «мерности» в разном исчислении, но равноудаленные от нулевой точки отсчета в контрарном (противоположном) направлении по движению оси «дискурса», т.е. от одной контрарной точки до другой и наоборот. Больше того, оба направления применяют понятие «окно» дискурса, т.е. такое конкретно-интерактивное дискурсивное пространство, которое в интенциональном плане прагматически выбрано и создано авторами реальных коммуникативных (дискурсивных) практик, ограниченных тематическим, оценочным и целевым параметрами, для того чтобы проникать в когнитивное пространство адресата, завоёвывать его и, размещаясь в нем, переформатировать в соответствии с прагматическими задачами (см.: Романов, 2002: 58-92).

Различия между обсуждаемыми подходами, как представляется, очевидны. Основное различие касается технологий реализации коммуникативно-интерактивного пространства «окна» дискурса. Причем, технологичность реализации «окна» проявляется не только в объёме самих технологий, сколько в технологии дискурсивного взаимодействия с адресатом в заготовленной, уже заранее «срежиссированной» без прямого участия адресата дискурсивной реальности.

Если в *моделях первого направления* дискурсивное воздействие подается через совместную, согласованную интеракцию между отправителем и получателем сообщений (посланий, дискурсивных / коммуникативных практик), в которой участники – это «со-работники», вносящие свой вклад в развитие пространства «окна дискурса», определенный спецификой реализации туннельного знака-конструкта, т.е. не позволяющие резкого и неоправданного выхода из его «функционально-семантического представления или ФСП» (Романов, 1988: 28-50), то в *моделях второго направления* «со-работничество», синергийность в действия отправителя и получателя информационно-дискурсивных посланий отсутствует. Другими словами, участники согласованной (синергийной) дискурсивной интеракции являются равноправными создателями «шкалированных мерностей» (значений) и оценок, что не позволяет ни одному из участников «вероломно вторгаться» в ментальное пространство другого и «ломать» его когнитивное пространство (ментальность). Используемые при этом технологии – это эффективные технологии убеждающего воздействия, базирующиеся на «выработке кодекса доверия и уверенности в возможном достижении совместного посткоммуникативного эффекта или результата» (там, же). Даже такие специфические дискурсивные «окна», формируемые участниками в

рамках интерактивного взаимодействия туннельных конструктов со значением «угроза», не позволяют (не дают семантической возможности) применять «недопустимые» и «неприемлемые» эксплицитно-имплицитные (т.е. скрытные, незаметные, неожиданные) коммуникативные действия-практики, которые смогли бы привести к открытому противостоянию или конфликту интересов между участниками. Синергичный принцип взаимодействия в рамках дискурсивных «окон» моделей первого направления не предполагает применение массивной «бомбардировки смыслами», чтобы добиться «промывки мозгов» и прямого «оболванивания» получателя практик-посланий.

Эффективность дискурсивного воздействия *моделей второго направления* основывается на пассивной роли адресата-получателя, одновременной ролью получателя и потребителя как участника, может быть, даже вовлеченного в данный процесс против своей воли. Нескончаемая «бомбардировка смыслами» дискурсивных посланий, заранее заготовленных и выверенных «режиссерами-технологами», загоняет такого адресата-получателя в положение неопределенности и растерянности выбора «приемлемого-неприемлемого», «допустимого-недопустимого» в информационных посланиях и не выпускает его из этого («загнанного») состояния, привлекая с каждым посланием внимание новыми, нестандартными, сенсационными и парадоксальными для обыденного сознания информационными «вывертами», «поворотами» и «вбросами» (ср.: опрос телезрителей о сдаче гитлеровцам Ленинграда телекомпанией «Дождь», «псевдо-медицинское заключение о З. Космодемьянской, тиражированная дискуссия о «стоимости наручных часов» Патриарха Московского и т.п.).

В *моделях второго направления* адресат-получатель не участвует в качестве непосредственного субъекта в выработке «шкалированной мерности», так как конкретная «мерность» реальных коммуникативно-дискурсивных практик задается ему инициаторами воздействия («режиссерами», технологами, манипуляторами) уже как данная. Причем, заданная инициаторами «мерность шкалирования» не меняется для адресата-потребителя на определенной позиции по направлению «оси» дискурса, так как в соответствии с реализацией стратегического плана движения «окна» Овертона она просто переходит на новую – другую – позицию шкалы от «неприемлемого к допустимому», от «допустимого к нормативному» и изменить это чередование немислимого ранее порядка идей адресат-потребитель не может, как также уже не может и не принять эти новые шкалы «мерности». Безусловно, полный отказ от предложенных, вернее, навязанных «шкал мерности» возможен, но только при условии полного выхода адресатом из коммуникативно-информационного пространства дискурсивного «окна» («окна» дискурсивной реальности). То есть, проще говоря, ему придется избавиться от роли получателя-потребителя направленной на него информации. Но сегодня, как известно,

спрятаться от массивной «бомбардировки» информационными посланиями едва ли возможно.

Приведенное сравнение моделей, функционирующих в рамках выделенных направлений, не носит строгого характера, не претендует на полноту изложения теоретических посылов, положенных в основание той или иной модели, и, конечно же, не ставит своей целью показать или доказать преимущества одних моделей над другими. Сопоставление моделей того или иного направления призвано, прежде всего, показать не только остроту и глубину обозначенной проблемы дискурсивного контролирования и регулирования механизмов воздействия «самораспространяющейся», «бенефициарной», «вирусной», «меметико-регулятивной» информации в виде медийных дискурсивных посланий, но и обратить также внимание на необходимость дальнейших разработок новых моделей, олицетворяющих определённые общие концептуальные рамки, несмотря на уже упомянутое в предлагаемом описании наличие разнообразных школ, направлений, идей и подходов.

Представляется, что в первую очередь заслуживают внимания разработки моделей, опирающихся на синергичную природу дискурсивного воздействия с переосмыслением роли и места человека в структуре познавательной и практической дискурсивной деятельности с целью выработки и реализации стратегий по сплочению и единению различных этносов, политических течений, финансово-экономических групп в границах одного региона, государства, континента, а также с целью выработки стратегий по «социальной сборке личности» как активного когнитивного агента. При этом также важно не упускать из виду модели второго направления, разработка и усовершенствование которых приемлемы для использования их в чрезвычайно критических ситуациях, например, в ситуациях открытого информационного противостояния, информационных «войн», формирования негативного имиджа и, наоборот, поддержки и продвижения репутационного капитала в нечестной конкуренции на международной арене, в ситуациях межгосударственного и блокового сговора и т.п.

Очевидно, представленные в работе подходы, модели и их разновидности отражают сегодня существование разнообразных школ, направлений и идей, что, безусловно, свидетельствует о том, насколько проблема контролирования и регулирования механизмов воздействия «самораспространяющейся», «бенефициарной», «вирусной», «меметико-регулятивной» информации в виде разнообразных дискурсивных посланий, направленных на массового адресата и потребителя с целью завоевать его когнитивное пространство, является комплексной проблемой, олицетворяющей достаточно обозримые концептуальные рамки. Поэтому, учитывая широкие эвристические возможности обсуждаемого в работе направления и его высокую практическую значимость, было бы оправданным и справедливо обоснованным выделить данное направление в

самостоятельную научную парадигму, название которой можно было бы обсудить в рамках открытой дискуссии между практиками и теоретиками.

Литература

1. Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Беккер К. Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль. – Vienna: Selene, 2002. – 61 с.
3. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология // Избранные работы по социальной психологии. – М.: Наука, 1994. С. 18 - 352; впервые работа опубликована в 1921г. (М.–Пг.: изд-во «Колос»).
4. Бехтерев В.М. Внушение // Бехтерев В.М. Гипноз. Внушение. Телепатия. – М.: Мысль, 1994. – С. 81 – 312; впервые опубликовано в цикле статей журнала «Обозрение психиатрии» в 1898 г. и тогда же выпущено отдельным изданием в Санкт-Петербурге.
5. Бодрийар Ж. Фантом современности. Тени молчаливого большинства, или конец социального // Ясперс К., Бодрийар Ж. Призрак толпы. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 180 – 280.
6. Броди Р. Психические вирусы. Методическое пособие для слушателей курса. – М.: Центр Психологической культуры, 2001. – 192 с.
7. Верч Дж. Голоса разума. Социокультурный подход к опосредованному действию. – М.: Тривола, 1996. – 176 с.
8. Волошинов В.Н. Слово и его социальная функция // Литературная учеба. – 1930, № 5. – С. 43 – 59.
9. Выготский Л.С. Инструментальный метод в психологии // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – С. 103–108.
10. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1982а. – С. 6 – 361.
11. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. – СПб.: «Алетейя», 1999. – 207 с.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под ред. О. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 608 с.
13. Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструктов. – СПб.: Речь, 2000. – 182 с.
14. Кокошин А.А. Несколько измерений войны // Вопросы философии. – 2016, № 8. – С. 5 – 19.
15. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М.: Гнозис, 1995. – 101 с.
16. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – 184 с.
17. Луман Н. Медиа коммуникации. Пер. с нем. – М.: Логос, 2005. – 280 с.

18. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц.», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
19. Менегетти А. Онтология и меметика. Пер. с итал. Под общ. ред. П. Бернабей. – М.: Психологическое издательство, 2002. – 149 с.
20. Мисонжников Б.Я. Массмедиа как субъект формирования глобального катастрофического сознания // Глобализм в системе категорий современной культурологической мысли. – СПб.: «Янус», 2005. – С. 240 – 254.
21. Морозова О.Н., Романова Л.А., Мосина Е.А. Манипулятивная природа информационных войн в Интернет-пространстве // Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. Международн. научн. семинар. Ч. I. Сб. науч. работ. – Белгород: БелГУ, 2014. – С. 158 – 164.
22. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. – М.: Наука, 1974. – 487 с.
23. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. – М.: Издательство: Ультра. Культура, 2003. – 392 с.
24. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: ИЯ АН СССР; Калининский СХИ, 1988. – 183 с.
25. Романов А.А. Коммуникативная инициатива говорящего в диалоге // Текст как структура. Межвузовск. сб. научн. трудов // Под ред. А.А. Романова и А.М. Шахнаровича. – М.: ИЯ РАН; ТГСХА, 1992. – С. 55–76.
26. Романов А.А. Говорящий лидер в деловом общении // Homo Loquens / Человек говорящий: Язык, познание, культура. Межвузовск. сб. трудов / Под ред. А.А. Романова и А.М. Шахнаровича. – М.: ИЯ РАН; ТГСХА, 1995. – С. 56–70.
27. Романов А.А. Конфликтный диалог: типология проявлений и опыты их исследования // Когнитивная лингвистика конца XX века. Материала Международной научн. конф. в 3-х частях. Ч.2. – Минск: МГЛУ, 1997. – С. 130–133.
28. Романов А.А. Оценочный аспект речевого воздействия в учебном процессе // Материалы 16-й научно-практич. конф. «Повышение качества преподавания в вузе». – Тверь: ТГСХА, 1998. – С. 7 – 9.
29. Романов А.А. Вербальный конфликт в диалогической «игре» // НОМО LUDENS / Человек играющий: Язык, личность, социум / Отв. ред. проф. А.А. Романов. – Москва-Тверь: ИЯ РАН, ТГСХА, 1999. – С. 12 – 25.
30. Романов А.А. Конфликтный дискурс политика // «Политический дискурс в России – 3». Материалы рабочего совещания 27-28 марта 1999. Ч.1. / Под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева. – М.: ИЯ РАН; Диалог-МГУ, 1999а. – С.123 – 126.
31. Романов А.А. Имидж политика в зеркале собственных оценочных речевых действий // Проблемы имиджелогии: Материалы 1 международной конф. 8–9 февраля 2000 г. в г. Кривом Роге, Украина. – Кривой Рог, Киев:

Европейский университет финансов, информационных систем, менеджмента и бизнеса. – 2000. – С. 29 – 40.

32. Романов А.А. Оценка как способ фиксации конфликтности речевого поведения политика // Политический дискурс в России – 4. Материалы рабочего совещания 22 апреля 2000 года. – М.: ИЯ РАН, Диалог-МГУ, 2000а. – С. 83 – 89.

33. Романов А.А. Оценка как способ фиксации и интерпретации конфликтных форм речевого общения (на материале речевой дискурсии политика) // ТЕКСТ versus ДИСКУРС: Проблемы понимания и интерпретации. Сб. научн. трудов / Отв. ред. проф. А.А. Романов. – Москва – Тверь: ИЯ РАН; ТИЭМ; ТГСХА, 2001. – С. 96 – 106.

34. Романов А.А. Политическая лингвистика: функциональный подход. – Москва – Тверь: ИЯ РАН; ТГСХА, 2002. – 191 с.

35. Романов А.А. Суггестивная модель речевого общения: Манипуляция или игра со смыслами? // Homo mendax / Человек лживый. Межвуз. сб. научн. трудов. Отв. ред. проф. А.А. Романов. – М. – Тверь: ИЯ РАН; ТГСХА, 2004. – С. 3–26.

36. Романов А.А. Политическая лингвистика в пространстве политической дискурсии // Наукові записки Луганського національного педагогічного університету. Збірник наукових праць. Вип.5. Т.1. Серія «Філологічні науки». – Луганськ: «Альма-матер», 2004а. – С. 192 – 213.

37. Романов А.А. Психотерапевтический дискурс утешения как конструкт // Наукові записки Луганського національного університету. Вип. 7. Т.3. Серія «Філологічні науки»: Збірник наукових праць [Пред'явлення світу в гуманітарних дискурсах ХХІ століття]. Луганськ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. – Луганськ: Альма-матер, 2008. – С. 64 – 68.

38. Романов А.А. Спин-докторинговая реализация ментальных репрезентаций в Интернет-коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда. – Language, Communication and Social Environment. Ежегодное научное издание. – Вып. 13. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2015. – С. 87 – 116.

39. Романов А.А. Бенефициарные смыслы в информативной медиа-сфере // Межкультурная коммуникация: теория и практика. Сб. научн. трудов XVI Международн. научно-практич. конф. «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2016. – С. 221 – 227.

40. Романов А.А. Механизм распространения «вирусных» идей в инфосфере регулятивно-меметической реальности // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016а, № 2. – С. 1 – 19. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

41. Романов А.А. Регулятивная разновидность распространения «вирусной» информации в медиа-сфере // Агропродовольственный сектор экономики страны в условиях глобализации и интеграции. Сб. научн. трудов по материалам Международн. научно-практич. конф. – Тверь: ЦН и ОТ, 2016б. – С. 424 – 435.

42. Романов А.А. Меметико-регулятивная реальность как феномен массмедийной иносферы [Электронный ресурс] // Медиа в современном мире. 55-е Петербургские чтения: тезисы Междунар. науч. форума 21–22 апреля 2016 г. / отв. ред. В. В. Васильева. – СПб.: Институт "Высш. шк. журналистики и масс. комм" СПбГУ, 2016. Режим доступа: <http://jf.spbu.ru/conference/6081/6090.html>

43. Романов А.А., Малышева Е.В. Психологическое портретирование личности в политической коммуникации (на примере роликов В.В. Жириновского на видеохостинге «Youtube // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Педагогика и психология». – Тверь: ТвГУ, 2013. – Выпуск 4. – № 26. – С. 129 – 139.

44. Романов А.А., Малышева Е.В. Спин-докторинговая реализация «принципа каузальной последовательности» ментальных репрезентаций в структуре фреймовой конфигурации // Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. Международн. научн. семинар. Ч. I. Сб. науч. работ. – Белгород: БелГУ, 2014. – С. 158 – 164.

45. Романов А.А., Малышева Е.В. Манипулятивная коммуникация в системе сетевых «информационных войн» // Жизнь языка в культуре и социуме –5. Материалы междунар. научн. конф. – М.: Канцлер, 2015. – С. 225–226.

46. Романов А.А., Малышева Е.В. Семантическое манипулирование как форма сетевого воздействия. // Психоллингвистика и лексикография: сб. научн. трудов. – Вып. 3 / Научн. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2016. – С. 166 – 169.

47. Романов А.А., Малышева Е.В., Зайналабдиев В.Х. Энергоинформационная модель коммуникации и её уровни // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания / General and Typological Problems of Linguistics [Электронный ресурс]. Сб. научных статей. – Вып. 2. / Отв. ред. Е.Б. Трофимова. – Бийск: ФГБОУ ВП «АГАО», 2013. – С. 70 – 76.

48. Романов А.А., Малышева Е.В., Новоселова О.В. Матричная технология в манипулятивной интернет-коммуникации // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. I Междунар. науч.-практ. конференция. Сб. науч. работ. – Белгород: Константа, 2014. – С. 126–131.

49. Романов А.А., Морозова О.Н. Схемы спин-докторингового конструирования оценочных смыслов в современной медиакультуре // Медиалингвистика. Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация и массмедиа: сб. статей. – СПб: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высшая школа журналистики и масс. коммуникаций», 2015. – С. 243 – 247.

50. Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: лингвопсихологический анализ. – Москва-Тверь: ИЯ РАН; Тверская ГСХА, 2006. – 144 с.

51. Романов А.А., Немец Н.Г., Романова Л.А. Дискурсивные практики утешения как конструкты сферы «Я» утешаемого в жизненных сценариях // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Психологические науки «Акмеология образования». – 2006. – Т. 12, № 4. – С. 96 – 99.

52. Романов А.А., Новоселова О.В. Психосемантика конструкта угрозы в политической коммуникации // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Педагогика и психология. – 2012, № 3. – С. 6 – 16.

53. Романов А.А., Новоселова О.В. Коммуникативный конструкт политической угрозы как медиатекст // Вторая междунар. научн. конф. «Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах» в МГУ им. М.В. Ломоносова. Материалы конф. – М.: Медиамир, 2012. – С. 351 – 356.

54. Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеракции (функционально-семантический анализ). – Москва–Тверь: ИЯ РАН; Тверская ГСХА, 2013. – 168 с.

55. Романов А.А., Новоселова О.В. Политический менасив в медийном пространстве // Публицистика в современном обществе. Материалы научно-практич. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (трагедия публицистики в информационном обществе). Отв. ред. проф. Б.Я. Мисонжников. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. школа журналистики и масс. коммуникаций», 2014. – С. 43 – 51.

56. Романов А.А., Романова Е.Г., Воеводкин Н.Ю. Имя собственное в политике: Язык власти и власть языка. – М.: Лилия ЛТД; ТГСХА, 2000. – 112 с.

57. Романов А.А., Романова Л.А. Перформативные речевые акты в парадигме социального конструкционизма // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Научно-методический журнал. Сер. «Акмеология образования». – 2005. – Т. 11. – № 2. – С. 26 – 36.

58. Романов А.А., Романова Л.А. Теория речевых актов в парадигме психо - семио - социального конструкционизма // Вестник Новгородского гос. ун-та им. Я. Мудрого. Научно-теоретический и прикладной журнал. Сер. «Гуманитарные науки». – 2007. – № 44. – С. 82–84.

59. Романов А.А., Романова Л.А. Перформативный дискурс в парадигме социального конструкционизма // Культура как текст. Сб. научн. статей. Вып VII. – М.: ИЯ РАН, 2007а. – С. 81 – 96.

60. Романов А.А., Романова Л.А. Конверсационная реальность дискурса // *Ars grammatica*. Грамматические исследования: тез. докладов 4-й Международной научной конференции. – Минск: Минский гос. лингвист. ун-т, 2010. – С. 25 – 27.

61. Романов А.А., Романова Л.А. Медиальная природа эмотивного дискурса в коммуникации // Языковой дискурс в социальной практике. Сб. научн. трудов Международн. научно-практич. конф. 1-2 апреля 2011 г. – Тверь: ТвГУ, 2011. – С. 217 – 230.

62. Романов А.А., Романова Л.А. Прагматические свойства коммуникативного конструкционизма // Культура как текст. Сб. научн. тр. Вып. XI. – Москва-Смоленск: ИЯ РАН; Смоленск. Гуманит. ун-т, 2012. – С. 181 – 187.

63. Романов А.А., Романова Л.А. Перформативность как категория сакрально-ритуальной дискурсии // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Междунар. научно-практ. конф. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2013. – С. 245 – 251.

64. Романов А.А., Романова Л.А. Меметический механизм конструирования медиа-смыслов информационного противостояния // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. № 3. – С. 1 – 16. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

65. Романов А.А., Романова Л.А. Спин-докторинговое конструирование смыслов: схематический аспект (стратум) // Гуманитарные науки (г. Ялта). – 2015а, № 2 (30). – С. 103–106.

66. Романов А.А., Романова Л.А. Меметико-регулятивные смыслы в информационном пространстве меметической коммуникации // Языковой дискурс в социальной практике. Сб. научн. трудов Международн. научно-практ. конф. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2016. – С. 194 – 203.

67. Романов А.А., Романова Л.А. Меметико-регулятивная реальность как психолингвистический феномен // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016а, № 1. – С. 1 – 14. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

68. Романов А.А., Романова Л.А. Базовые принципы мелодийного воздействия в регулятивной коммуникации // Лингвистика без границ. Сб. статей памяти доктора филологических наук, профессора В.Б. Кашкина / Под ред. К.М. Шилихиной, О.О. Борискиной. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2016б. – С. 131–43.

69. Романов А.А., Романова Л.А., Белоус Н.А. Языковые маркеры конф-ликтного дискурса // Гуманитарные проблемы миграции: социально-право-вые аспекты адаптации соотечественников в Тюменской области. Материалы 2-й международной научно-практ. конф. Часть 1. 9-11 октября 2006 г. – Тюмень: Изд-во «Вектор Бук»; ТюмГУ, 2006. – С. 149 – 158.

70. Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Нарративный метод спин-докторинговой коммуникации со слотами фреймов // Языковой дискурс в социальной практике: сб. научн. трудов Международн. научно-практ. конф. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2015. – С. 251 – 258.

71. Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015а, № 2. – С. 1–31. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

72. Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Регулятивные медиа-смыслы в информационном пространстве меметической коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015б. № 4. – С. 5 – 13. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

73. Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Медийный опрос как тех-нологический приём спин-докторинговой манипуляции (на материале дискуссии опроса, проведенного 26 января 2014 года телеканалом «Дождь») // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015в. № 5. – С. 19 – 45. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

74. Романов А.А., Романова Л.А., Новоселова О.В. Конструирование медийных смыслов информационного противостояния // Функциональная лингвистика: VII Международный крымский лингвистический конгресс «Язык и мир». Ялта, 5-8 октября, 2015. Сб. научн. докладов / Отв. ред. А.Н. Рудяков, Ю.В. Дорофеев; Крымский республиканский ин-т постдипломного педагогического образования. – Симферополь: ООО «Форма», 2015. – С. 284 – 287.

75. Романов А.А., Романова Л.А., Новоселова О.В. Инфосфера как новая регулятивно-меметическая «сетевая территория» // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II-ая Международн. научно-практич. конф.: Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – С. 81 – 96.

76. Романов А.А., Романова Л.А., Федосеева Е.Г. Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации. – Москва – Тверь: ИЯ РАН; Тверская ГСХА, 2013. – 241 с.

77. Романов А.А., Черепанова И.Ю. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. – Тверь: ТвГУ; ТГСХА, 1998. – 205 с.

78. Романов А.А., Черепанова И.Ю., Ходырев А.А. Тайны рекламы. – Тверь: Изд-во ГЕРС; ТГСХА, 1997. – 290 с.

79. Романов А.А., Ульянич Г.А. Мелодийный дискурс как информационный медиум в системе публичных коммуникаций. – Москва – Тверь: ИЯ РАН; ТИПЛ и МК, Тверская ГСХА, 2014. – 163 с.

80. Романова Л.А. Принцип контрастности в когнитивных практиках структурирования мира вещей // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Научно-методический журнал. Сер. «Акмеология образования», 2005. – Т. 11. – № 2. – С. 36 – 43.

81. Романова Л.А. Конструктивная семантика криптокласса английских прилагательных размера в диахронии и синхронии. – Москва – Тверь: ИЯ РАН; ТГСХА, 2007. – 120 с.

82. Романова Л.А. Теория социального конструирования и композитные перформативы // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – Волгоград: ВолГУ. – 2009, № 2 (15). – С. 68 – 75.

83. Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. – Москва – Тверь: ИЯ РАН; ТГСХА, 2009а. – 180 с.

84. Романова Л.А. Коммуникативные перформативы в функциональной парадигме языка: семантический и прагматический аспекты. Автореф. дисс. ... докт. филол. н. (10.02.19). – Великий Новгород: Новгородск. гос. ун-т им. Я. Мудрого, 2010. – 47 с.

85. Сол Дж.Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. Пер. с англ. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 895 с.
86. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. – 445 с.
87. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. Пер. М.Б. Левина – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 412 с.
88. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 387 с.
89. Харре Р. Конструкционизм и основания знания // Вопросы философии. – 2006, № 11. – С. 94 – 103.
90. Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности. – СПб.: Питер Пресс, 1997. – 608 с.
91. Fiske J. Television and Postmodernism // Curran J., Gurevitch M. (eds.) Mass Media and Society. – L.: Edward Arnold, 1991. – PP. 55 – 67.
92. Fiske J. Television Culture. – London and New York: Routledge, 1993. – 353 p.
93. Overton Joseph P. NNDB intelligence aggregator Web site.
94. Romanov A., Malysheva E. Political language in internet communication // The V International Academic Congress “Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries” (United Kingdom, Cambridge, England, 14-16 October 2015). Papers and Commentaries. vol. II. Cambridge: “Cambridge University Press”, 2016. – P. 152 – 158.
95. Romanov A.A., Novoselova O.V. Communicative space of the composite threat-performatives // Journal of Language and Literature. – 2014. – Т. 5, № 4. – P. 100 – 103.
96. Romanov A.A., Novoselova O.V. Construct of threat discourse in Russian politics // GLOBE: East - West European Forum on Discourse: Past, present and future of discourse studies. Warsaw, 14-16 May, 2015. Book of Abstracts. Ed. by K. Broś & G. Kowalski. – Warsaw: University of Warsaw, 2015. – P. 53.
97. Romanov A., Romanova L. Mimesis and performative knowledge of use social practices in the communicative space homo loquens // Interdisciplinary Researches in The 21-st Century: Creation and Creativity in a modern European education. Conference Proceedings. – Oradea: EdituraI universității Emmanuel in Oradea (Romania), 2012. – P. 322 – 325.
98. Romanov A., Romanova L., Novoselova O. Communicative Construct of the Composite Threatperformatives // Procedia: Social and behavioral Sciences, 206 (2015). – P. 71–75 (XV International Conference “Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations”, LKTI 2015, 9–11 November 2015, Tomsk, Russia; Elsevier Science).